Ночь под Рождество / рассказ

Category: Hekaýalar,Kitapcy
написано kitapcy | 23 января, 2025
Ночь под Рождество / рассказ НОЧЬ ПОД РОЖДЕСТВО

— Сочельник! Сочельник! Ну, нет, я не стану справлять сочельник!
Толстяк Анри Тамилье произнес это таким разъяренным голосом, словно ему предлагали что-нибудь позорное.
Присутствующие, смеясь, воскликнули:
— Почему ты приходишь в такую ярость?
— Потому, — отвечал он, — что сочельник сыграл со мной сквернейшую шутку, и у меня остался непобедимый ужас к глупому веселью этой дурацкой ночи.
— Но в чем же дело?
— В чем дело? Вы хотите знать? Ну, так слушайте.

Помните, какой был мороз два года тому назад в эту пору? Нищим хоть помирать было на улице. Сена замерзла; тротуары леденили ноги сквозь подошвы ботинок; казалось, весь мир готов был погибнуть.
У меня была начата тогда большая работа, и я отказался от всех приглашений на сочельник, предпочитая провести ночь за письменным столом. Пообедав в одиночестве, я тотчас же принялся за дело. Но вот, часов около десяти вечера, мысль о разлившемся по всему Парижу веселье, уличный шум, несмотря ни на что, доносившийся до меня, слышные за стеной приготовления к ужину у моих соседей, — все это стало действовать мне на нервы. Я ничего уже не соображал, писал глупости и понял, что надо отказаться от надежды сделать что-либо путное в эту ночь.
Некоторое время я ходил по комнате и то садился, то вставал. Я испытывал таинственное влияние уличного веселья, это было очевидно; оставалось покориться ему.
Я позвонил служанке и сказал:
— Анжела, купите что-нибудь для ужина на двоих: устриц, холодную куропатку, креветок, ветчины, пирожных. Возьмите две

бутылки шампанского; накройте на стол и ложитесь спать.
Она исполнила приказание, хотя и не без удивления. Когда все было готово, я надел пальто и вышел.
Оставалось решить самый главный вопрос: с кем буду я встречать сочельник? Мои приятельницы уже были приглашены в разные места: чтобы залучить какую-нибудь из них, надо было позаботиться об этом заранее. Тогда мне пришло в голову сделать заодно и доброе дело. Я сказал себе: «Париж полон бедных и прекрасных девушек, у которых нет куска хлеба; они бродят по городу в поисках великодушного мужчины. Стану-ка я рождественским провидением одной из этих обездоленных. Пойду поброжу, загляну в увеселительные места, расспрошу, поищу и выберу по своему вкусу».
И я пустился бродить по городу.
Разумеется, я встретил многое множество бедных девушек, искавших приключения, но они были так безобразны, что могли вызвать несварение желудка или так худы, что замерзли бы, остановившись на улице.
Вы знаете мою слабость: я люблю женщин упитанных. Чем они плотней, тем привлекательней. Великанша сводит меня с ума.
Вдруг против театра Варьете я увидел профиль в моем вкусе. Голова, затем два возвышения — очень красивой груди, а ниже — восхитительного живота, живота жирной гусыни. Задрожав, я прошептал: «Черт возьми, какая красотка!» Оставалось только увидеть ее лицо.
Лицо женщины — сладкое блюдо; остальное… это жаркое.
Я ускорил шаги, нагнал эту прогуливавшуюся женщину и под газовым фонарем обернулся.
Она была восхитительна — совсем еще молодая, смуглая, с большими черными глазами.
Я пригласил ее, и она согласилась без колебания.
Спустя четверть часа мы сидели за столом в моей комнате.
— Ах, как здесь хорошо! — сказала она, входя.
И оглянулась вокруг, радуясь, что нашла ужин и приют в эту морозную ночь. Она была восхитительна: так красива, что я удивился, и так толста, что навек пленила мое сердце.
Она сняла пальто и шляпу, села за стол и принялась есть; но,

казалось, она была не в ударе, и порой ее немного бледное лицо дергалось, словно она страдала от тайного горя,
Я спросил:
— У тебя какие-нибудь неприятности?
Она ответила:
— Ба, забудем обо всем!
И начала пить. Она осушала залпом свой бокал шампанского, снова наполняла и опоражнивала, и так без конца.
Вскоре слабый румянец выступил у нее на щеках, и она стала хохотать.
Я уже боготворил ее, целовал и убеждался, что она не была ни глупа, ни вульгарна, ни груба, подобно уличным женщинам. Я пытался было узнать, как она живет, но она ответила:
— Милый мой, это уже тебя не касается! Увы! Всего час спустя…
Наконец настало время ложиться в постель, и, пока я убирал со стола, стоявшего у камина, она быстро разделась и скользнула под одеяло.
Соседи за стеной шумели ужасно, смеясь и распевая, как полоумные, и я говорил себе: «Я сделал вполне правильно, отправившись на поиски за этой красоткой; все равно я не мог бы работать»
Глубокий вздох заставил меня обернуться. Я спросил:
— Что с тобою, моя кошечка?
Она не отвечала, но продолжала болезненно вздыхать, словно ужасно страдала.
Я продолжал:
— Или ты нездорова?
И вдруг она испустила крик, пронзительный крик.
Я бросился к ней со свечою в руке.
Лицо ее было искажено болью, она ломала руки, задыхалась, а из ее горла вырывались хриплые, глухие стоны, от которых замирало сердце.
Я спрашивал, растерявшись:
— Но что же с тобою? Скажи, что с тобою?
Не отвечая, она принялась выть.
Соседи сразу умолкли, прислушиваясь к тому, что происходило у меня.

Я повторял:
— Где у тебя болит? Скажи, где у тебя болит?
Она пролепетала:
— Ох, живот, живот!
Я вмиг откинул одеяло и увидел…
Друзья мои, она рожала!
Тут я потерял голову; я бросился к стене и, колотя в нее изо всех сил кулаками, заорал:
— Помогите, помогите!
Дверь отворилась, и в мою комнату вбежала целая толпа: мужчины во фраках, женщины в бальных платьях, пьерро, турки, мушкетеры. Это нашествие так ошеломило меня, что я не мог им объяснить, в чем дело.
Они же думали, что случилось какое-нибудь несчастье, быть может, преступление, и тоже ничего не понимали.
Наконец я выговорил:
— Дело в том… дело в том, что… эта… эта женщина… рожает…
Тогда все стали ее осматривать, высказывать свои мнения. Какой-то капуцин притязал на особенную опытность в этих делах, и хотел помочь природе.
Они были пьяны как, стельки. Я решил, что они убьют ее, и бросился в чем был на лестницу, за старым доктором, жившим на соседней улице.
Когда я вернулся с доктором, весь дом был на ногах; на лестнице зажгли газ, квартиранты со всех этажей наводняли мою квартиру; четверо грузчиков сидели за столом, допивая мое шампанское и доедая моих креветок.
При виде меня раздался громовой рев. Молочница поднесла мне на салфетке отвратительный комок сморщенного, съежившегося мяса, стонавший и мяукавший, как кошка, и объявила:
— Девочка!
Доктор осмотрел роженицу, признал ее положение опасным, так как роды произошли тотчас после ужина, и ушел, сказав, что немедленно пришлет ко мне сиделку и кормилицу.
Обе женщины прибыли через час и принесли сверток с медикаментами.
Я провел ночь в кресле и был слишком потрясен, чтобы

раздумывать о последствиях.
Утром доктор вернулся. Он нашел больную в довольно плохом состоянии.
— Ваша супруга, сударь… — начал он.
Я прервал его:
— Это не моя супруга.
Он продолжал:
— Ну все равно, ваша любовница.
И он перечислил все заботы, которые были ей необходимы, — уход, лекарства.
Что было делать? Отправить эту несчастную в больницу? Я прослыл бы за негодяя во всем доме, во всем квартале.
Я оставил ее у себя. Шесть недель пролежала она в моей постели.
Ребенок? Я отослал его к крестьянам в Пуасси. Мне приходится ежемесячно платить за него пятьдесят франков. Заплатив раз, я принужден теперь платить за него до моей смерти.
А впоследствии он будет считать меня своим отцом.
В довершение всех несчастий, когда эта девушка выздоровела… она полюбила меня… безумно полюбила, негодяйка!
— Ну, и что же?
— Ну, она исхудала, как приблудная кошка, и я выкинул ее за дверь. Теперь этот скелет поджидает меня на улицах, прячется при моем появлении, а вечером, когда я выхожу, останавливает меня, чтобы поцеловать мне руку, и в конце концов бесит меня до неистовства.
Вот почему я никогда больше не буду справлять сочельник.

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 26 декабря 1882 года под псевдонимом Мофриньёз.
Пьерро, турки, мушкетеры, капуцин, грузчики, молочница — персонажи маскарада, происходящего в сочельник.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 2. МП «Аурика», 1994
Перевод А.Н. Чеботаревской. Hekaýalar